

Макс Рейн

Хрустальная сказка

ПРОТ

— Знаешь, в чем твоя проблема, Антуан? — голос звучал тихо, почти шепотом. — Ты слишком много думаешь о последствиях, но совсем не видишь причин. Ты слеп к самому главному. И да, я действительно опасен. — Он медленно повернулся. — Очень опасен. Я погубил много жизней. Моей следующей жертвой станешь ты. Да, ты. Это очевидно и неизбежно, — Его отстраненность и спокойствие внушали ужас.

TRP E

ЧАСТЬ

Ночью ему снова снился сон, тот самый кошмар, навязчивый и удручающий. Ничто в сновидении не менялось, только страх от раза к разу возрастал и мучил все сильнее. Во сне он шел по широкому, нарядно освещенному рождественскими огоньками бульвару. Мороз приятно пощипывал нос. В ушах звучал божественный концерт Вивальди «Зима». Под эту чарующую музыку крупными хлопьями плавно кружился снег и, едва касаясь земли, таял.

— Красотища! — прищурился от удовольствия Антуан.

Уверенной походкой он двигался по центру города с твердым убеждением, что находится здесь не просто так, а с особой миссией-предназначением! Черные кожаные ботинки на грубой подошве от PRADA блестели чистотой, оставляя рельефные следы на быстро тающем снегу. Поравнявшись с богато украшенными витринами, Антуан краем глаза заметил, как в них отразился силуэт красивого молодого человека — высокого, с гордо посаженной головой, в дорогом кашемировом пальто, с повязанным вокруг шеи на французский манер шарфом. Антуан повернул голову, внимательно разглядывая свое отражение, каждую деталь, жест, движение. Удовлетворенный увиденным, он сфокусировал взгляд на своем лице, но в слегка запотевшем стекле не различил знакомых черт и как-то сразу расстроился. «Надо было надеть очки», — подумал Антуан, вглядываясь в свой отраженный облик. Подойдя вплотную к витрине, он кожаной перчаткой небрежно протер стекло и замер. Сердце бешено заколотилось, стало невыносимо жарко...

Антуан видел себя теперь очень близко: серое кашемировое пальто, в тон ему шарф, снежинки в волосах — все, как и должно быть... Но в этой картине не хватало самого главного фрагмента — у человека в стекле витрины не было

лица. Никакого, как будто его не дорисовали или умышленно стерли. Антуану стало страшно, он почувствовал, что задыхается. Его взгляд снова и снова выискивал в отражении родные черты, но тщетно.

Человек перед ним был безупречным и... безлицым.

* * *

Октябрь выдался серый и сырой. Холодные дожди шли уже вторую неделю. Часть листвы с деревьев опала, и сквозь мокрые ветви проступал величественный фасад дома напротив. Тяжелые тучи придавали песочного цвета камню графитовый оттенок. В окнах верхних этажей горел свет.

Антуан нехотя встал с теплой постели. В такие дни особенно ощущался уют старого дома в Эстермальме¹: высокие потолки с лепниной, старинные радиаторы, согревающие пространство огромных комнат. Год назад Алекс, старший брат, настоял на ремонте.

— В такой квартире все должно держать осанку. Давай начнем с выравнивания стен, — сказал тогда он, взяв на себя все расходы. Теперь квартира выглядела как иллюстрация из журнала: четкие линии, продуманное освещение, встроенные шкафы.

Антуан вошел в ванную. Контрастный душ немного развеял тяжелый осадок после сна. Но нехорошее предчувствие не отпускало. На журнальном столике в гостиной лежала небрежно сложенная стопка неотвеченных писем из института, и Антуан машинально ее выравнивал.

«Всему виной моя диссертация, — думал он. — Она, похоже, сводит меня с ума. Я слишком глубоко копаю. Зря я влез во все это, надо было послушать Алекса и остаться на биофаке». Но Антуан уже не представлял себя без исследований, без долгих часов в лаборатории, без попыток разгадать, каким образом музыка меняет человеческий мозг. Загадка нейробиологии музыкального восприятия незаметно стала частью его сознания.

Он вздохнул и прошел на кухню. Часы показывали без четверти семь, а Алекс обещал приехать к восьми. Антуан до-

¹ Эстермальм — городской район Стокгольма, большая часть которого расположена в одноименном городском округе.

стал из шкафа старую поваренную книгу — единственную вещь, не вписывавшуюся в минималистичный интерьер. Потертые страницы хранили рецепт панкакора — шведских блинчиков, которые бабушка готовила в загородном доме в Даларне¹. Тонкие блинчики с хрустящими краями, брусничное варенье, взбитые сливки — вкус детства, летних каникул, когда они с братом носились по лесу, собирая ягоды.

Вскоре кухня наполнилась ароматом жареного теста и свежезваренного кофе. В дверь позвонили ровно в восемь. «Удивительно пунктуальный человек», — просияв от радости, отметил про себя Антуан.

— Только не говори, что ты пек блины, — с порога удивился Алекс, оглядывая брата.

— Именно так, — подтвердил тот, довольно шмыгнув носом.

— Ты же терпеть не можешь готовить?

— Так это я для себя терпеть не могу, для тебя — другое дело.

Алекс бросил на пол дорожную сумку и крепко обнял Антуана.

— Здорово, брат! — запоздало произнес он. — Хреново выглядишь.

— Ага, — счастливо подтвердил Антуан.

— А че так?

— Да все то же.

— Понятно, — с дружеской улыбкой кивнул Алекс. — Я пару книг привез. Думаю, тебе понравится.

Антуан повел брата к себе в кабинет, где царил нехарактерный для остального дома бардак, словно обычно педантичный хозяин потерял тягу к идеальному порядку. На рабочем столе вперемишку лежали раскрытые научные журналы, исчерканные нотные листы и результаты анализов пациентов. Брошюра Масару Эмото «Память воды» с десятком закладок валялась поверх стопки статей по нейробиологии. На Антуана эти исследования произвели сильнейшее впечатление, и он совсем недавно взахлеб рассказывал брату о том, что вода способна «запоминать» эмоции человека, менять свою

¹ Даларна — историческая провинция в средней Швеции в регионе Свеаланд.

структуру в ответ на музыку, слова и даже мысли. И теперь, при взгляде на небрежно брошенную книгу, Антуан невольно вспомнил, как его потрясла тогда эта мысль: если музыка так влияет на воду, что же она делает с нашим телом, которое состоит из воды на восемьдесят процентов?

Стену кабинета украшали увеличенные скриншоты с МРТ, испещренные пометками Антуана. Странные цветовые пятна с подписями: «Паганини — соната № 2», «Бах — токката и фуга», «Моцарт — соната № 11» отражали активацию разных зон мозга при прослушивании музыки.

Антуан заметил, что взгляд брата зацепился за настенный календарь. На дате 12 октября стоял жирный черный крест и короткая надпись: «Смерть фру Юзефсон». Алекс поморщился, видимо, догадавшись, почему Антуан не спешит приводить кабинет в порядок. Что-то пошло не так. Но Алекс не стал спрашивать. Он расстегнул молнию на сумке, достал пакет с книгами и положил его на стол.

— Потом посмотришь, — бросил он через плечо, направляясь в гостиную, которая по традиции превращалась в его спальню всякий раз, когда он навещал брата в Стокгольме.

— Располагайся, — произнес Антуан своим обычным тоном. — И давай побыстрее, кофе остывает.

* * *

Алекс сидел за столом, с наслаждением поедая блины. Нож и вилка двигались в его руках с той непринужденной грацией, характерной для него даже в самых простых вещах. Антуан украдкой поглядывал на своего гостя, чувствуя, как в груди разливается тепло. Было нечто завораживающее в бархатном тембре голоса и едва заметных морщинках, возникающих в уголках глаз, когда Алекс улыбался.

— Теплые еще, — отметил Алекс, поймав зачарованный взгляд брата. — Ничего вкуснее не пробовал. — Он потянулся за кофе, рассеянно глядя в окно влажно блестящими глазами. И, кивнув на серую пелену за стеклом, добавил с легкой гримасой неудовольствия: — Какая же там мерзость!

— Сегодня прогноз обещает дождь целый день, — произнося это, Антуан машинально отрезал кусочек блинчика, но так и оставил его лежать на тарелке. Есть не хотелось.

— А я обещал себе хорошую прогулку, — Алекс весело подмигнул брату. — Придется дождю пересмотреть свои планы. На блошинный рынок собрался — Оскар новые пластинки нашел. Там и «Реквием» Моцарта, и АВВА. Попросил отложить для меня. Ты со мной, Анте?

— Пластинки — это круто, — сказал Антуан. — Но погода... — он неуверенно пожал плечами. В такую погоду хотелось закутаться в плед и не высовывать носа на улицу, но время, проведенное рядом с братом, было слишком ценным. Алекс слегка нахмурился, заметив, как он ковыряется в тарелке:

— Хочешь весь воскресный день дома проторчать? И чего ты все возишься? Что стряслось? Выкладывай.

Антуан смутился и отвел взгляд. Пальцы невольно сжали чашку.

— Мне опять снился сон, тот самый, — он старался говорить ровно, но голос все равно дрогнул. Антуан ненавидел свою беспомощность перед собственным подсознанием и старательно пытался ее скрыть, но Алекс все равно заметил. Всегда замечал.

— А почему не поговоришь с профессором, как его... профессором ван Хершем? — Алекс подлил себе кофе, не отводя внимательного взгляда от брата. — Он же вроде практикующий психиатр. Может подсказать, как справиться с кошмаром.

— Уже, — признался Антуан, залпом выпив воду. — Он предложил мне самому придумать концовку, хороший финал. Закончить сон так, как хочется.

— И что?

— Не могу его закончить. Просыпаюсь, стараюсь представить свое лицо там, в витрине... Но не получается. А когда пытаюсь достроить картину, выходит только хуже. То глаз на лбу появляется, то второй нос...

— Послушай, — Алекс отставил чашку в сторону, — я где-то читал, что через сновидения человек знакомится с теми частями себя, которые предпочел бы не замечать. Может, ты не доволен своей внешностью?

— Внешностью? — удивился Антуан, поскольку эта мысль никогда не приходила ему в голову.

Повисла пауза. За окном барабанил дождь, и его монотонный шум действовал гипнотически. Немного помолчав, Антуан неуверенно пожал плечами:

— Не знаю, может быть...

Он снял очки, открывая красные пятна на переносице. В его сознании родилась неожиданно ясная мысль: «Я недоволен своей внешностью. Значит, нужно просто принять себя, а не искать в своем сне какое-то страшное предзнаменование. Неужели все так просто?» Он шумно выдохнул, испытывая облегчение от этого открытия, и почувствовал, как его лицо изменилось, разгладилось, словно внутри спало напряжение.

Алекс, наблюдавший за этой картиной, невольно улыбнулся. Ему вспомнился маленький Анте. Точно так же лицо Антуана менялось в детстве: только что хмурился, а через секунду уже сияет — ямочки на щеках, озорной блеск во взгляде. Ясные голубые глаза, правильные черты лица и зачесанные наверх светлые волнистые волосы придавали Антуану юный невинный вид, словно подтверждая, что в нем все еще живет та детская чистота. Жизнь еще не успела его потрепать.

— А с работой что? — осведомился Алекс, сделав глоток кофе.

Глаза Антуана загорелись. Он торопливо надел очки обратно и с энтузиазмом ответил:

— Диссертация почти закончена, в мае уже защита. Тема — огонь! Мой научный руководитель говорит, что она тянет на докторскую. Советует продолжить работу, чтобы в следующем году начать писать.

— Ого, круто! — оживился Алекс. — А докторская о чем будет?

— Да все о том же. Ты не представляешь, мы вышли на очень интересные результаты...

Алекс не сдержал усмешки — эту фразу он слышал от брата всякий раз, когда спрашивал о его исследованиях. Но Антуан, ничего не замечая, уже погрузился в свой мир:

— О том, что музыка исцеляет организм, ты слышал. Все слышали. Моцарт считается самым целительным из классиков. Так сказать, панацея широкого спектра...

— Амадей от всех горестей жизни! — вставил Алекс, а затем рассмеялся, показывая ровные белые зубы.

— Почти так, — Антуан кивнул, даже не улыбнувшись. — Знаешь, мы начали с самого очевидного — с влияния музыки

на мозг. И сразу наткнулись на поразительные вещи. Например, эпилепсия. Представляешь, когда пациентам включают «Сонату для двух фортепиано», частота припадков у них значительно уменьшается.

— Да ну? — Алекс тоже посерьезнел и подался вперед, теперь уже по-настоящему заинтересованный.

— Абсолютно точно. Это подтверждено исследованиями — электроэнцефалограмма показывает заметное снижение эпилептиформной активности.

— Значит, хорошо, что я слушаю классику. Эпилепсия мне не грозит, — сделал поспешный вывод Алекс.

— Не все так просто, — Антуан красноречиво развел руками. — Классика классике рознь. Продолжая разговор об эпилептиках: им противопоказана, например, музыка Гайдна. Девяносто четвертая симфония повышает эпилептиформную активность мозга на сорок пять процентов.

Алекс изумленно присвистнул. Антуан понизил голос, словно собирался поделиться секретом:

— Но наше открытие совсем о другом. Мы в экспериментах использовали тяжелый рок, — полностью захваченный рассказом брата, Алекс отставил чашку в сторону.

— Помнишь японца Масару Эмото? Я тебе показывал его опыты с водой. Когда он включал рок и быстро замораживал воду, снежинка получалась асимметричная, корявая, будто больная, — Алекс кивнул, вспомнив фотографии кристаллов, а в глазах Антуана появился лихорадочный блеск. — Так вот, мы взяли крыс с глиобластомой, агрессивной опухолью мозга. Давали им лекарство и параллельно включали тяжелый рок. На громкости в сто децибел музыка увеличивала проницаемость гематоэнцефалического барьера, это такая белковая стена между кровью и нервной системой... — Антуан говорил все быстрее, сопровождая свои слова выразительными жестами: — Понимаешь, обычно этот барьер не пропускает лекарства из крови в нервную систему, поэтому лечение опухолей мозга часто неэффективно. А тяжелый рок эту преграду открывал! Лекарство начинало работать, и в этой группе почти все крысы выжили.

Судя по нараставшему стуку капель по стеклу, дождь за окном усилился, но Антуан, казалось, не замечал ничего вокруг, продолжая монолог:

— И это еще не все! Если правильно подобрать музыку, она поможет мозгу находиться в гармонии, и рака можно вообще избежать.

— А как такую музыку подобрать? — поинтересовался Алекс. — Это вообще возможно?

— Мы уже выяснили, что три самые целебные ноты против рака — это до, си и соль, — Антуан старался говорить тихо, но в его голосе все равно звенело возбуждение. — Их нужно протяжно пропеть... — Щеки рассказчика порозовели. — Все возможно, Алекс, все. Ты понимаешь, что это означает?

— Удар по фармацевтике и Нобелевская премия Антуану Бергу? — Алекс по привычке прятал за иронией гордость за брата.

Но Антуан словно не услышал этого. Глаза его горели энтузиазмом:

— Это прорыв, величайший прорыв человечества. Миллионы спасенных жизней. Мы так близки к цели. Только бы все получилось...

В последней его фразе прозвучала тревога. Алекс внимательно посмотрел на брата:

— Анте, это прекрасные новости, правда. Только ты сильно не заводишься. Не растрать себя в ноль. — Он помолчал, подбирая слова: — Ты же знаешь, наука — словно пишущая сама себя книга, которую можно изучать бесконечно. В конце каждого раздела неизменно появляются новые абзацы. Там, где должна была быть последняя глава, бам! — и снова середина книги. И все тот же вопросительный знак.

Антуан слушал брата, и левый глаз его слегка подергивался, а тот продолжал свои увещевания:

— Если ты будешь продолжать в таком же режиме, то в лучшем случае выгоришь, а в худшем... — Алекс на секунду умолк, ища убедительную формулировку. — Станешь чудиком, вроде тех, на групповых занятиях: «Здравствуйте. Меня зовут Антуан. Я ученый. Я изучаю эритроциты, мой отец изучал эритроциты, мой дед изучал эритроциты. Эритроциты — это у нас в крови...»

На этот раз Антуан оценил шутку, и братья дружно рассмеялись.

— Так и есть, — уже серьезно кивнул Антуан. — Я за последние месяцы очень устал.

— Ну вот, а еще удивляешься, почему тебя преследуют кошмары.

«Кошмары... — мысленно вздохнул Антуан и беспокойно постучал по столу. — Если бы только они». Он посмотрел на старшего брата, но промолчал.

— Все нормально? — насторожился Алекс.

— Да, да, — Антуан быстро отвел взгляд. — Мне нужно отдохнуть. Я сегодня же напишу профессору ван Хершу и возьму недельный отпуск.

— Вот это правильно. В конце концов, Анте, жизнь — это не только наука. Твои двадцать четыре — идеальное время, чтобы совершать глупости, в них весь смак.

От этих слов Антуан поморщился, словно хлебнув чего-то кислого.

— А ты не кривись, — Алекс зевнул и потянулся. — Нет в мире ничего отважней глупости. Я пойду прилягу, тоже неважно вчера спал, да и дорога вымотала. А потом двинем на блошку, как раз и дождь к тому времени прекратится.

Он взял свою чашку и тарелку, явно намереваясь их вымыть, но Антуан возразил:

— Оставь, я сам. Иди отдыхай.

Когда за братом закрылась дверь, Антуан сложил грязную посуду в посудомойку, протер стол и посмотрел в окно. Дождь лил стеной. Сплошная непроглядная водная завеса. «Прекратится дождь, как же...»

* * *

В комнате гроыхала музыка. Стены дрожали, одинокая лампочка на потолке неровно подрагивала в такт. Лексус развалился в компьютерном кресле, обтянутом дешевым дерматином, и рассеянно наблюдал за стекающими по грязному стеклу каплями дождя.

Больше смотреть было не на что. Погода разогнала людей по домам, в такой день из окна его цокольной квартирки не было и шанса увидеть хотя бы пару стройных ног... Мысли о женских ножках заставили его вспомнить про вчерашний вечер. Он заметил Фрейю сразу, едва та вошла в клуб. Это точно была она, он не мог обознаться. Бледная анорексичка с длинными фиолетовыми волосами и пирсингом на брови. Она выглядела так, словно только что очнулась после

долгой тусовки рокеров. Черная драная майка приоткрывала надетый на плоскую грудь ярко-розовый бюстгальтер, грубые тяжелые ботинки на «спичечных» ногах казались огромными. Было непонятно, как ее ноги вообще отрывались от пола под тяжестью этой нелепой, напоминающей кандалы обуви.

Увидев Лексуса на сцене, она вытаращила свои, словно углем размалеванные глаза. Какое-то время они с подозрением пялились друг на друга. Только тогда Лексус осознал, что она — обычная девушка с напускным вызовом и неуклюжими движениями. На ее лице появился кривой оскал, давая понять, что она тоже, видимо, что-то осознала. Но вот что, Лексус не знал.

Он впервые заметил эту девушку в тот злополучный день, когда после долгих волнений скинул в интернет песню, которую сам сочинил и спел. С трепетом в душе и тремором в ногах он ждал первых отзывов. И они полетели, будто камни, прямо ему в лицо — безжалостно и метко, никуда не спрятаться, не укрыться. Сам напросился.

В море обрушившейся на него критики он заметил ее пост — словно одиноко плавающий спасательный круг, брошенный утопающему. Она писала сухо, но положительно. И он зацепился — поверил.

Лексус потом часто следил за ней в соцсетях. Фрейя — девушка-гот. Вот уж точно не его мечта. А вчера он увидел ее в баре Gamla Krogen, где пел в субботние вечера.

Лексус подкатился на кресле к столу и зашел на страничку Фрейи. Зеленый огонек подсказал, что она в сети. Пальцы Лексуса быстро застучали по клавиатуре.

Лексус: «Привет, просто хотел пообщаться».

Фрейя: *«Круто! Но я странная вообще, так что не знаю, стоит ли».*

Лексус: *«Я муравьев в детстве ел».*

Фрейя: *«Тогда попробуем, врубай камеру».*

Лексус сделал музыку потише и включил камеру. На экране появилось лицо Фрейи. Оно казалось еще бледнее и накрашеннее, чем накануне. Девушка смотрела на него ничего не выражающим взглядом и монотонно жевала жвачку.

— Привет, — снова поздоровался Лексус.

Она молчала. Он помахал ей рукой и криво улыбнулся.

— Я так и думала, — наконец выдала она, надула и с громким хлопком лопнула пузырь из жвачки.

Лексус вопросительно приподнял бровь.

— Сначала ты скажешь: «Привет!», я отвечу: «Привет!», — пояснила она, растягивая слова. — Потом спросишь: «Как дела?» Я скажу: «Ок». Ты поинтересуешься моими увлечениями, я отвечу: «Ничего особенного». А потом спросишь про бойфренда. — Она приблизилась к камере, и свет от монитора сделал ее лицо совсем белым, будто призрачным. — И я тебе больше никогда не отвечу. Потому что все эти вопросы такие плоские, такие дебильные. На фиг вообще это спрашивать, когда подкатываешь к девушке, скучный тупица!

Лексус на секунду замер, но быстро взял себя в руки.

— На хрена мне твои дела? — он откинулся в кресле, и голос его стал жестче. — Тем более, бойфренды. Я вообще-то спасибо хотел сказать. Что поддержала тогда. Но вижу, дела у тебя стремнее, чем мне казалось.

— Я тебя предупреждала, — не меняя интонации сказала она и пожала плечами.

— Предупреждала... — Лексус потянулся за сигаретами, лежавшими на краю стола. — Так бы сразу и сказала: «Я долбанутая». А то прогнала так скромненько: «Странная я...»

Он щелкнул зажигалкой, небрежно спросив:

— Ты не против, если я закурю?

— Можешь даже застрелиться...

Ее вытаращенные глаза казались огромными. Она не моргала. Лексусу стало не по себе от этого взгляда. Надо же, какая ирония — единственный человек, оценивший его песню, оказался больной на голову девицей. Не очень-то жизнеутверждающе... Дым от сигареты поплыл по комнате.

— Что уставилась? Хочешь напугать меня, что ли?

— Оно мне надо?

— А че я тогда боюсь?!

— Потому что ты трус.

— А может, потому что ты страшная?

— Ты думаешь? — слегка растерянно спросила она, и в ее голосе ему почудилось что-то детское.

Он внимательно взгляделся в ее лицо: за темными тенями прятались синие глаза, на мертвенно-бледном лице

маленький нос, пухлые губы, четко обведенные черной помадой. По отдельности ее черты, может и ничего, но все вместе... Он замялся:

- С одной стороны, ты, конечно, не красавица...
- А с другой? — оборвала она его на полуслове.
- А с другой стороны у тебя затылок.
- Да пошел ты!
- Сама пошла!

Лексус ждал, что Фрейя отключится, но она продолжала пялиться на него. Он глубоко затынулся и, выпустив дым в сторону экрана, спросил:

- Музыку слышишь?

Она наклонила голову, прислушиваясь. Фиолетовые пряди упали на лицо.

— Мой новый сингл, — пояснил он, и в голосе мелькнула гордость. — Хочешь послушать?

- Не, я только поела.
- И что?
- Стошнить может.
- Дура!
- Сам дурак!

Лексус крутанулся в кресле, дотянулся до колонок. Музыка ударила по ушам, стены задрожали. Он резко захлопнул крышку ноутбука.

* * *

Антуан не знал, как поступить. Потребность поделиться с братом была очень острой, но страх буквально скручивал внутренности. Рассказать об ужасе, в котором приходилось жить в последние дни, попросить совета... Но тогда придется открыть свою тайну. Страшную тайну. Глаз дернулся: «Господи, почему ты допустил, чтобы это произошло? Зачем?» По лбу покатались холодные капли пота, горло сжалось. Дрожащими руками Антуан схватил со стола небулайзер, зажал губами и резко вдохнул лекарство. Спазм медленно отпустил. Теперь он повсюду таскал с собой ингалятор — приступы астмы участились, становясь все тяжелее.

Мысли метались как в лихорадке: «А если все-таки рассказать Алексу? У него всегда есть идеи, на все случаи жизни. Хотя бы станет легче... — Антуан осекся. — Легче мне,